

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина

РЕАЛЬНОСТЬ ПРЕДМЕТНОГО МИРА

Много таких вещей, которые умножают суету.

[Еккл. 6:11]

1 – Система отношений к предмету

Натуралистически-предметное бытие вещи

Натуралистически-предметное бытие вещи представляет собой мир, созданный человеком для трудовой деятельности, для обустройства своей обыденной жизни, – дом, место работы, отдыха и духовной жизни. История культуры – это и история вещей, которые сопровождали человека в его жизни. Этнографы, археологи, исследователи культуры дают нам огромный материал, свидетельствующий о развитии и движении вещей в историческом процессе.

Натуралистически-предметное бытие вещи, стало не только знаком перехода человека с уровня эволюционного развития на уровень исторического развития, но и особым психическим орудием, преобразующим природу и самого человека, – определило не только бытие человека, но и умственное его развитие, развитие его личности. Г.В.Ф. Гегель считал возможным различать натуралистически-предметное бытие вещи и ее знаковую определенность [1]. Такую классификацию разумно признать правильной.

Предмет – единица
сущего

Предмет, или вещь^{*}, в сознании человека есть единица, часть сущего, все то, что обладает совокупностью свойств, занимает объем в пространстве и нахо-

^{*} В философских трактатах понятия «вещь» и «предмет» часто используются как идентичные.

дится в отношении с другими единицами сущего. Мы будем рассматривать материальный предметный мир, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования. В реальность предметного мира входят *предметы природы и рукотворные предметы* (артефакты), которые человек создал в процессе своего исторического развития. Но человек не только научился создавать, использовать и сохранять предметы (орудия труда и предметы иного назначения), он *сформировал систему отношений к предмету*. Эти отношения к предмету отражены в языке, мифологии, философии и поведении человека.

В языке категория «предмет» имеет специальное обозначение. В большинстве случаев в естественных языках – это существительное, часть речи, обозначающая реальность существования предмета.

«Вещь для нас»
и «вещь в себе»

В философии категория «предмет», или «вещь», имеет свои ипостаси: «вещь в себе» и «вещь для нас». «Вещь в себе» означает существование вещи самой по себе (или «в себе»). «Вещь для нас» означает вещь, какой она раскрывается в процессе познания и практической деятельности человека.

В обыденном сознании людей предметы, вещи существуют – как данность, как явления природы и как составная часть культуры. Вместе с тем для человека это объекты, которые создаются и уничтожаются в процессе предметной, орудийной, трудовой деятельности его самого. Лишь в отдельные моменты человек задумывается над кантовским вопросом о «вещи в себе» – о познаваемости вещи, о проникновении познания человека «во внутренность природы» [2].

В практической предметной деятельности человек не сомневается в познаваемости «вещи». В трудовой деятельности, в простом манипулировании он имеет дело с материальной сущностью предмета и постоянно убеждается в наличии у него свойств, поддающихся изменениям и познанию.

Человек создает вещи и осваивает их функциональные свойства. Здесь интересно вспомнить утверждение Ф. Энгельса о том, что «если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец» [3]. Этот постулат вызывает, однако, сомнение. Предмет может быть изготовлен человеком, служить его целям и, одновременно, быть для челове-

Такое общение веселит мое сердце и создает не равнодушную ко мне среду, обустроивающую мое духовное бытие.

Особое, необычное отношение к предметам мы находим во многих народных сказках.

Анализируя морфологию сказки, в частности распределение функций между действующими лицами, В.Я. Пропп указывает на особое значение предметов – помощников героя сказки: «Здесь, прежде всего, следует остановиться на отношении между волшебными средствами и волшебными помощниками. Сравним следующие случаи: Иван получает ковер-самолет, на нем улетает к царевне или домой <...> Предметы действуют как живые существа. Так и дубинка сама убивает всех врагов, сама наказывает воров и т.д. <...> Другое сопоставление: Иван получает коня, который может рассыпаться (испражняться) золотом и делает Ивана богачом. С другой стороны: Иван съедает птичий потрох и получает способность харкать золотом, становится богачом» [7]. Таким образом, живые существа, предметы и качества в народных сказках рассматриваются как равнозначные величины.

Описывая волшебные дары, В.Я. Пропп выделяет волшебные предметы. Это могут быть когти, волосы, шкурки, зубы, предметы-орудия, предметы, вызывающие духов, огниво. Особое место занимает живая и мертвая, слабая и сильная вода [8].

По существу вещь, создаваемая в человеческой культуре, многолика, амбивалентна и не вмещается в строгую однозначную классификацию.

Вещь как фетиш

Вещь может занять место фетиша. Согласно определению, *фетиш* – предмет слепого поклонения в силу приписываемых ему особых свойств. В начале фетишами становились природные вещи, которым приписывались сверхъестественные значения. Сакрализация предметов через традиционные обряды придавала им те свойства, которые оберегали человека или группу людей и задавали им определенное место среди других. Так, через вещь издревле происходило социальное регулирование отношений между людьми. В развитых обществах фетишами становятся продукты человеческой деятельности. Многие предметы могут стать фетишами.

Место отдельного человека среди других людей реально определяется не только его личностными качествами, но и обслуживающими его вещами, которые репрезентируют его в социальных отношениях (дом, квартира, земля и другие престижные в конкретный момент культурного развития общества вещи). Вещ-

ный, предметный мир – специфически человеческое условие бытия и развития человека в процессе его жизни.

Вещь как источник образований негативных свойств человека

Вещь создана человеком для служения ему. Но часто человек попадает в зависимость от вещи. Подчас человек стремится приумножить свои богатства ради самого богатства. В этом случае он может впасть в страсть обладания богатством, предполагая, что за этим обладанием он будет иметь неограниченную власть над душами людей.

Нельзя не обратиться к А.С. Пушкину, который одарил нас своей поэмой «Скупой рыцарь».

Подвал. Монолог Барона.

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливым день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился – и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм – и с высоты его
Могу взирать на все, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу – воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смирненно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же – ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...

(Смотрит на свое золото.)

Скупость, корысть,
алчность

Скупость – свойство человека. Скупой – чрезмерно, до жадности бережливый человек, всячески избегающий расходов, трат.

Скупца в русском языке называют еще **алчным, корыстным** – он жаден к наживе.

Наблюдая нашу обыденную жизнь, мы видим, как подчас легко человек теряет свои романтические мечты о духовной жизни и подпадает под власть магии вещи. Человек перестает владеть вещью: вещь начинает владеть им.

Новое поколение
вещей

В наше время наряду с освоенным и приспособленным к человеку миром «прирученных предметов» появляются новые поколения вещей: от микроэлементов, механизмов и элементарных предметов, участвующих непосредственно в жизнедеятельности организма человека, замещающих его природные органы, до скоростных лайнеров, космических ракет, атомных электростанций, создающих совершенно иные условия жизни человека.

Сегодня принято считать, что натуралистически-предметное бытие вещи развивается по своим собственным законам, которые человеку все труднее контролировать. В современном культурном сознании людей появилась новая идея: интенсивное приумножение предметов, развивающаяся индустрия предметного мира помимо предметов, символизирующих прогресс человечества, создают поток предметов на потребу массовой культуре. Этот поток стандартизирует человека, превращая его в жертву развития предметного мира. Да и символы прогресса предстают в сознании многих людей как разрушители человеческой природы.

Предмет насилует
психику человека

В сознании современного человека происходит мифологизация разросшегося и развившегося предметного мира, который становится и «вещью в себе», и «вещью для себя». Однако повторю: *предмет насилует психику человека постольку, поскольку сам человек позволяет это насилуе.*

В то же время предметный мир, создаваемый человеком сегодня, явно взывает к психическому потенциалу человека.

Побуждающая
сила вещи

Натуралистически-предметное бытие вещи имеет известную закономерность развития: оно не только наращивает свою представленность в мире, но и изменяет предметную среду по своим функциональным характеристикам, по скорости исполнительских действий предметов и по требованиям, обращенным к человеку.

Человек порождает новый предметный мир, который начинает испытывать на прочность его психофи-

зиологию, его социальные качества. Возникают проблемы проектирования системы «человек – машина» на основе принципов повышения человеческих возможностей, преодоления «консерватизма» человеческой психики, охраны здоровья человека в условиях взаимодействия со *сверхпредметами*.

Но разве первые орудия труда, которые создал человек, не предъявляли к нему те же требования? Разве от человека не требовалось на пределе своих умственных возможностей преодолевать природный консерватизм психики вопреки охраняющим его защитным рефлексам? Создание нового поколения вещей и зависимость человека от их побуждающей силы – очевидная тенденция развития общества.

Мифологизация предметного мира нового поколения – это подспудное отношение человека к вещи как к «вещи в себе», как к предмету, обладающему самостоятельной «внутренней силой»^{*}.

Современный человек несет в себе вечное свойство – способность антропоморфизировать вещь, одухотворять ее. Антропоморфная вещь является источником вечного страха перед ней. И это не только дом с привидениями или домовым, это некая внутренняя сущность, которую человек приписывает ей.

Таким образом, *сама психология человека переводит натуралистически-предметное бытие вещи в ее символическое бытие*. Именно это символическое господство вещи над человеком определяет то, что человеческие отношения, как это показал К. Маркс, опосредованы связью: *человек–вещь–человек*. Указывая на господство вещей над людьми, К. Маркс особо подчеркивал господство земли над человеком: «существует видимость более интимного отношения между владельцем и землей, чем узы просто *вещественного* богатства. Земельный участок индивидуализируется вместе со своим хозяином, имеет его титул, баронский или графский, его привилегии, его юрисдикцию, его политическое положение и т.д.» [9]. И сегодня нельзя не согласиться со здравостью этой ясной мысли.

В человеческой культуре возникают вещи, которые выступают в разных значениях и смыслах. Сюда можно отнести вещи-знаки, например знаки власти, социального статуса (корона, скипетр, трон и т.д. вниз

Человек переводит предметное бытие вещи в ее символическое бытие

Вещи-знаки и вещи-символы

^{*} Мы не будем здесь говорить о технической стороне дела, когда происходит уничтожение вещи, сооружений по причине «старения», «неспособности оператора», «аварии» и др.

- по слоям общества); вещи-символы, которые сплачивают людей (знамена, флаги), и многое другое.
- Фетишизация вещи   Особая фетишизация вещи – отношение к деньгам. Своей наиболее яркой формы господство денег достигает там, где стирается природная и общественная определенность предмета, где бумажные знаки приобретают значение фетиша и тотема.
- Сам человек как одушевленная вещь   В истории человечества происходят и обратные ситуации, когда сам человек в глазах других приобретает статус «одушевленного предмета». Так, раб выступал как «одушевленное орудие», как «вещь для другого». И сегодня в ситуациях военных конфликтов один человек в глазах другого может терять антропоморфные свойства: полное отчуждение от человеческой сущности приводит к разрушению идентификации между людьми.
- Вещи – реальность существования человека   При всем разнообразии понимания людьми сущности вещей, при всем многообразии отношения к ним, *вещь – исторически обусловленная реальность существования человека.*
- История человечества началась с *присвоения и накопления вещей*: в первую очередь, с создания и сохранения орудия, а также с передачи следующим поколениям способов изготовления орудий и действий с ними.
- Применение даже простейших ручных орудий, не говоря уже о машинах, не только увеличивает естественные силы человека, но и дает ему возможность выполнять разнообразные действия, которые вообще недоступны невооруженной руке. Орудия становятся искусственными органами человека, которые он ставит между собой и природой. Орудия делают человека сильнее, могущественнее и свободнее. Но в то же самое время вещи, рождающиеся в человеческой культуре, служа человеку, облегчая его существование, способны стать фетишем, который поработочает человека. Культ вещей, опосредующий человеческие отношения, может определять цену человека.
- В истории человечества возникали периоды, когда отдельные слои человеческого рода, протестуя против фетишизации вещей, отрицали и сами вещи. Так, киники отказывались от всяких ценностей, созданных человеческим трудом и представляющих собой материальную культуру человечества. Однако человек, отрицающий ценность и значимость вещного мира, по существу попадает в зависимость от него, но иначе чем стяжатель, алчно накапливающий деньги, имущество.

Вещи – реальность существования человека

Мир вещей – мир человеческого духа, мир его потребностей, чувств, образа мышления и образа жизни. Производство и употребление вещей создало самого человека и среду его существования. С помощью орудий труда и предметов, необходимых в быту, человечество создало особый мир – вещные условия существования человека. Человек, создавая вещный мир, психологически вошел в него со всеми вытекающими из этого последствиями: мир вещей (среда обитания человека) – условие его бытия, средство удовлетворения его потребностей и условие умственного развития, а также развития личности.

2 – Предметный мир как жизненное пространство личности

Неотъемлемое условие развития и существования человека

Обратимся к рассмотрению реальности предметного мира, который стал для человека неотъемлемым условием развития и существования и который, создавая жизненное пространство человека, влияет на его морально-эстетические суждения и переживания.

Человечество в своей истории создало материальный предметный мир, обладающий относительной устойчивостью и независимостью существования. Отдельный предмет – единица, часть сущего, но он не существует только сам по себе, а включен в систему предметов и принадлежит культуре, эпохе, ментальности.

«Человек – вещь – человек»

В человеческой культуре исторически складывалась система отношений к вещам, к предметному миру. Эти отношения строятся внутри известной модели: *человек–вещь–человек*. Модель показывает, во-первых, связь человека с вещью (в языке вещь всегда – существительное; она может быть одухотворена, может иметь имя собственное. Вещь может стать фетишем; вещь может быть отчуждена – стать ничем и т.д.), во-вторых, зависимость оценки человека человеком от принадлежащих ему вещей (дом, библиотека, машина, одежда и др.). Вещь представляет человека в мире так же, как и его психические качества: ум, толерантность, личностные особенности и др. [10].

В зависимости от общественной идеологии отношение к вещи претерпевает разительные изменения. В эпоху процветания философии киников вещи вовсе обесценивались. Позднее в истории эта позиция вновь и вновь поднималась на щит. В то же время в истории не раз возникали ситуации, когда вещам придавалось значение фетиша, сверхценности. Это происходило как в примитивных культурах, так и в развитых государствах.

Вещи в сознании человека могут трансформироваться

История человечества показывает, что вещи в сознании человека могут трансформироваться от значений, реальная ценность которых нивелируется, утаивается (так как она не соответствует провозглашенной идеологии), к значениям фетиша. В истории человечества сакрализация предметов в религиозных обрядах придавала им те качества, которые оберегали человека своими сверхъестественными свойствами. В развитых обществах фетишами становятся самые разные продукты человеческой деятельности. Собственно, любые предметы могут стать фетишами: могущество государства персонифицируется золотым фондом, развитостью и множественностью техники, в частности вооружения, экологической чистотой природы, водными ресурсами, уровнем жизни, определенным потребительской корзиной и покупательскими способностями, жильем и многим другим.

Место отдельного человека среди людей определяется не только его качествами, но и обслуживающими его вещами, которые репрезентируют его в социальных отношениях (дом, квартира, земля и другие престижные в конкретный момент культурного развития общества вещи). У разных слоев общества и у разных поколений кроме общих ценностей могут быть свои особые фетиши.

Рукотворный мир должен служить человеку

Сообразуя человека как высшую ценность с предметным миром, нельзя забывать, что *мир вещей – среда обитания человека. Созданный человеком рукотворный мир должен служить человеку.* Такое служение человеку предметного мира осуществляется, прежде всего, *по законам функционального использования предметов и их эстетического воздействия.*

Особое значение имеет Дом. Дом – понятие антропоцентрическое

Важное место в ряду особо значимых рукотворных предметов занимает в сознании и чувствах человека *дом. Дом – понятие антропоцентрическое*, это всегда строение для проживания семейства. Особую ценность представляет умение жить домом («Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить». Вл. Даль).

В доме происходят основные таинства семьи: 1 – свадьба (сватовство, свадьба, брачная ночь); 2 – зачатие, рождение, празднование дней рождения; 3 – похороны усопших; 4 – праздники (традиционные и по неожиданному поводу). *Дом – условие развития и бытия личности.*

Отношение к дому зависит от доминирующей идеологии государства, общества и отдельной семьи. Так, в СССР подавлялось ценностное отношение к частному дому, жизнь выносилась на уровень общественного контроля и оценок. В нынешней России дом обре-

тает свою истинную цену: *дом* становится не только местом проживания семьи, но и условием, определяющим мировоззрение и самосознание человека, его чувство базового доверия к внешнему миру людей. *Дом – это рукотворное строение и кровные люди, в нем проживающие, семья.*

Человек в благоприятной ситуации осуществляет себя в своем доме как *хозяин самого себя*. Он любит свой дом, *хочет домой, тоскует* о нем, когда находится вдали от него. В норме человек относится к своему дому по законам *добра, справедливости и красоты*.

В доме с достатком каждый имеет свое место, которое охраняет его индивидуальную *потребность в общении*. В доме есть общее место, где все члены семейства могут общаться друг с другом.

Внутреннее убранство дома презентуется, прежде всего, мебелью.

Мебель, как писал Вл. Даль, стоялая утварь в доме. Предметы, обстановка – совокупность предметов разного функционального назначения, которыми обставляются жилые или иные помещения.

В расположении и качестве мебели в частном семейном доме (квартире) в любую эпоху, в любой этнически выраженной среде демонстрируются традиции и ценности семьи, возвращенной социальной культурой своего времени. Вся мебель различается по своему функциональному назначению, при этом она тяготеет к центральным предметам: в спальне это кровать; в кабинете – письменный стол и компьютер; в столовой – стол, стулья, буфет; в детской – кровать, полки для игрушек, ковер и т.д. Все вещи выражают многофункциональность и определенность своего присутствия. У каждой вещи – строгое функциональное назначение, соответствующее особенностям членов семьи. Вещи презентуют не только семью в целом как ячейку общества с определенным социальным и культурным положением, но и каждого члена семьи в зависимости от его пола, возраста и личностных особенностей, интересов и предвзятостей.

Семейный дом – специфическое пространство: в нем главное предназначение мебели и других вещей – не только служить человеку в соответствии со своим функциональным назначением, но и *воплощать собой отношения между членами семьи*. Так, за столом каждый член семьи *имеет свое место*. В Японии первому подают еду главе дома. Как пишет Лафкадио Хэрн, «теоретически власть главы дома сегодня, как и прежде, является верховной» [11]. В России сегодня роли в

Мебель воплощает собой отношения между членами семьи

В сложившейся истории дома вещи согласованы с людьми

семье распределяют по-разному. Но вещи могут заявлять о своем хозяине: солидное кресло в кабинете главы семьи; современное кресло у компьютера в юношеской студии; кушетка хозяйки дома в гостиной.

Люди и вещи тесно связаны между собой. В сложившейся истории дома вещи вживаются в его пространство: они обретают определенные значения и смыслы, аффективную ценность. Так, столовый гарнитур берет на себя (ему придается) нагрузку праздничных встреч и условностей этикета. Вещи в доме обозначают своим присутствием членов семьи: через отношение к вещи, кому-то принадлежащей, домочадцы символически демонстрируют свое отношение к личности («Это папино кресло! Осторожно!..»; «Это книга Петра! Положи ее на место!»).

Вещи создают символическое пространство жилища, внутреннего убранства дома.

Помимо мебели семья приобретает вещи, которые вплетаются в ткань обыденной и праздничной жизни домочадцев, создают особую ауру дома – его *добро* и индивидуальную *красоту*.

Современные дома предстают перед нами в большем многообразии: начиная от традиционных избы и кирпичного домика и заканчивая многоликими в архитектурном отношении коттеджами и замками. Убранство жилья также разнообразно: от складной мебели (которая то исчезает, то вновь появляется в необходимый момент) до значительно занимающей свое постоянное место в пространстве интерьера мебели от Франческо Молонди. Главное в жизни дома: жилье и вещи должны быть «обжиты». С вещами человек связывает ассоциации прожитых и переживаемых эмоций – своих поступков, чувств, мгновений наслаждения и покоя. Дом постепенно наполняется историей наших чувств, напоминает нам о прожитом, держит в настоящем, побуждает к заботе о будущем. Дом держит ауру семьи, которую следует бережно охранять и возвращать.

Дом может представлять историю семьи и быть ее очагом. Дом может превратиться в дом-музей и стать открытым духовным пространством для всего человечества (например, квартира А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге; дом-музей Сальвадора Дали в г. Кадакесе и др.).

Сегодня в России *предметный мир как частная собственность стал знаком социального места владельца* в гораздо большей мере, чем в период, когда идеология вела общество к коммунизму. От понятий «общее», «всемирное» граждане новой России пере-

Предметный мир как знак социального места владельца

ходят к новым значениям – «частное», «личное». Перестройка сознания – не простая смена понятий. Значения и смыслы новых понятий, обращенных к предметному миру, перерастают сложившиеся ранее смысловые структуры сознания человека. Вобрав без критики и понимания оценочные суждения изначальной для него коммунистической идеологии, человек как социальная единица прежнего социалистического общества начинает испытывать возмущение по отношению ко всему, что лишает его сознание усвоенных опор. Его возмущают, раздражают и вызывают агрессию и зависть такие слова, как «личная собственность». Эти слова-понятия несут в себе значение и смыслы нового времени.

Смена отношения к предметному миру усилила негативные черты человека

Смена общественных ценностей в отношении к предметному миру порождает стимуляцию в человеке тех негативных образований, которые всегда сопутствуют позитивному развитию общества или отдельного человека.

Добро может обращаться во зло

Добро, которое взращивается в отношениях в доме, в семье, может обращаться во зло в глазах стороннего человека, с завистью смотрящего на материальное благополучие ближнего.

Зависть – ненависть к ближнему

Зависть – ненависть к другому за его преимущество перед завистником. Преимущество во владении вещами в нашем обществе обычно не соотносится со способностями и вложенным трудом. Отношение к вещам колеблется от восхищения их эстетическим видом и функциональным совершенством до ненависти и вандализма.

Вандализм – беспощадное разрушение предметов культуры

Вандалы – в истории имя народа – ныне это понятие обратилось в общее название разрушителей культурных ценностей, агрессивных невежественных людей. В нашей стране вандализм проявляется в отношении жильцов к своему многоквартирному дому; школьников – к школе, к своей парте; множества людей – по отношению к местам общественного пользования. Разрушить, разломать, уничтожить, опоганить – вот перечень негативных действий. Вандализм вообще – беспощадное разрушение и уничтожение памятников культуры и искусства, духовных ценностей общества.

Ныне ярко проявляется такая форма вандализма, как граффити. В России граффити развивается вяло по сравнению с Европой лишь потому, что дорого и трудно достать нужные аэрозоли.

У серийных граффити-вандалов есть мода на предметы, дизайн которых они склонны изуверски разру-

шить: это прежде всего (в Лондоне, например) вагоны метро, автобусы, автомобили. Оставить свой след на движущихся предметах «клево!», так как ты рискуешь и твой почерк, стиль и твое имя прочтут многие. Вандалы хотят быть признанными: это дает им ощущение вкуса славы. В России при скромных возможностях в приобретении аэрозолей можно встретить множество граффити у оснований мостов, на лестничных клетках и в лифтах домов, на гаражах, заборах и даже – на памятниках. Граффити разрушают эстетику города, противостоят архитектуре и снижают присущее человеку ценностное отношение к предметному миру. Граффити, как и другие виды вандализма, – социальное и психологическое зло. Притязая на признание, человек должен утверждать себя достижениями в созидании, а не в разрушении уже созданного.

Некоторые аналитики предполагают, что граффити – один из способов демонстрации протеста от забалования вещей. Это не совсем так. Граффити – перспективный для личности способ утвердить свое Я.

Предметный мир как ценность, содействующая комфорту индивидуального человека, вызывает желание владеть им; а у тех, кто не может владеть – зависть и, возможно, сопряженный с ней вандализм во всех известных вариантах его реализации.

Овладеть предметным миром можно не только через созидательный труд, но и путем кражи или грабежа.

Кража и грабеж –
насильственные
и корыстные
преступления

Кража – тайное хищение чужой-либо собственности, воровство. *Грабеж* – открытый разбой, не воровски, а нахрапом. Грабитель обирает людей силой; он разбойник, хищник.

Кража, грабеж – зло, преступления насильственные и корыстные, обращенные против отдельной личности и общества в целом. Зло – худое, лихое, оно противоположно добру. Как замечательно мыслил по этому поводу более ста лет назад Владимир Даль: «Духовное начало двойко: умственное и нравственное; первое относится к истине, а противоположное ко лжи; второе к добру (благу) и к худу, ко злу. Всякое зло противно божественному порядку» [См.: Зло].

Преступления против человека, сопряженные с присвоением вещей и насильственными действиями, деформируют личность, изменяя ее типологию и мотивацию жизненной позиции. Человек реально вступает с вещью в сложные отношения, которые произрастают из глубин антропоморфного сознания родовой культуры. Согласно исследованиям М. Мосса о

сущности родового сознания, вещь обладает некой духовной властью, которая может погубить вора, так как она сохраняет черты своего прежнего хозяина [12]. Как бы то ни было, но и современные воры весьма суеверны. Добродетели покидают человека, его позиция в отношении к миру становится аморальной, асоциальной.

Вор, грабитель, а также убийца из-за вещей становятся циничными, отчужденными от других, подозрительными и т.д. Для них характерно следующее: 1 – общее негативное содержание ценностно-нормативной сферы; 2 – преимущественная идентификация себя с лицами, стоящими в маргинальной социальной позиции и позиции закононепослушания; 3 – оценка морали как этикета, который они демонстрируют в соответствующих ситуациях (мораль – дело вкуса); 4 – доминирование позиции «цель оправдывает средства»; 5 – частое отсутствие ценностного отношения к работе и труду; 6 – напряженное отношение к другим людям; 7 – суеверное отношение к предметному миру и зависимость от этого мира.

Преступления деформируют личность

Преступления, совершаемые ради приобретения чужих вещей, помимо того, что они деформируют личность преступника, в случае обнаружения общественно наказуемы: преступивший закон оказывается в изоляции.

Расплата за преступление

В тюрьме условия существования резко меняются: преступника лишают всего того, чем он так стремился овладеть, минуя законы нравственности. Преступник попадает в условия, которые лишают его свободы и определяют физическое и психическое самочувствие. К числу этих условий следует отнести те, которые связаны с предметным миром (бедность предметного мира; скученность на малом пространстве).

Режим – точно установленный распорядок жизни, проходящей в заданном пространстве помещений: камера, столовая, рабочие помещения (цеха). Наказание есть наказание, заключенные осуждены справедливо, поэтому достойное по своим делам приняли... Режим, изнуряющий своим однообразием, надо переживать изо дня в день.

Бедность, ограниченность предметного мира – нарушает феноменологически присущую человеку потребность в многообразии рукотворного мира. Преступивший закон теряет возможность жить в своем доме (он находится в специальном казенном заведении), иметь значимые для него вещи. Те вещи, которыми он владеет в камере, – примитивны, ветхи, всегда банально серийны, различаются скорее «по недостатку», чем по качеству.

Скученность на малом пространстве депривирует человека.

Изоляция – обособление, отделение от окружающего мира, от стимулирующей к жизни и развитию среды. Изоляция в камере ведет к депривации сложившихся прежде потребностей (физических, психических и социальных), в том числе – потребностей в рукотворных предметах как условия полноценного человеческого бытия.

Потребность в индивидуальном пространстве

Как всякое существо в природе, человек заинтересованно относится к проблеме *пространства*, которым он располагает. *Потребность в индивидуальном пространстве* заложена биологической и социальной природой человека (ареалы обитания животных предков человека; родовые территории; индивидуальное пространство в собственном жилище и на территории земельной собственности). У каждого человека в течение жизни складывается особый экзистенциальный опыт владения неким пространством среды рукотворных и природных предметов.

В условиях лишения свободы, строгого надзора над использованием жизненного пространства камеры с ее наказывающей меблировкой (койка, столик, стул, зачастую накрепко привинченные к полу) заключенный теряет возможность свободно пользоваться и этим малым пространством с ограниченными строго функционально predetermined предметами.

Изоляция в камере делает человека бездомным и обездоленным

Изолированность в местах лишения свободы делает человека обездоленным. Бездомность, в свою очередь, лишает человека возможности развертывать собственное бытие до полноты существования, ведет к примитивизации бытия как в социальном пространстве, так и во внутреннем, духовном мире.

Потеряв свободу взаимоотношений с людьми в обществе внутри предметного мира по законам феноменологии взаимодействия труда, добра и красоты, человек, совершивший преступление внутри системы *человек – вещь – человек*, расплачивается несвободой, изоляцией в обедненном, примитивном предметном мире.

Символы прогресса – вещи – могут разрушать человеческую природу

Сегодня считается, что натуралистическое (предметное) бытие вещи развивается по своим собственным законам, которые все труднее контролируются самим человеком. В современном культурном сознании людей появилась новая идея – интенсивное приумножение предметов. Развивающаяся индустрия предметного мира помимо предметов, символизирующих прогресс человечества, создает поток предметов на потребу массовой культуре. Этот поток стандартизирует че-

ловека, превращая его в жертву развития предметного мира. Да и символы прогресса – вещи – предстают в сознании некоторой части мыслителей как разрушители человеческой природы.

Повторюсь: *предмет насилует психику человека, поскольку сам человек позволяет это насилие.*

Человек может проявить к вещам *жадность* – ненасытную жажду приобретения, накопления, патологического бережения, без использования по назначению, без допущения других созерцать их красоту.

Человек может проявить к другим людям *щедрость*. Щедрый человек милосерден, «милостив на подарки».

Подарок – любая вещь, которую отдают вовсе, бесплатно и бесповоротно; любая вещь, которая дорога самому дарителю не по цене ее, а по ее художественным и/или символическим достоинствам. Подарок веселит душу тому, кто получает его, и радуется самого дарителя. Дарить – не только делать добро, совершать прекрасное деяние, но и утверждать себя как свободного человека, создающего вокруг себя свою систему предметного мира и свободно распоряжающегося этим предметным миром.

Эпоха смещает эпоху, меняя свою идеологию отношения к вещам. В истории человечества не раз возникала идея равного распределения вещей; эта идея противостоит идее единоличного владения вещами.

Человечество во все времена своей истории мечется от равного распределения продуктов, предметов потребления и других предметов между членами общества к стремлению единолично владеть всем многообразием предметного мира.

Эпоха сменяет эпоху, включая в свою *идеологию отношения к вещам*.

Первая в истории общественно-экономическая формация, начиная с первобытной общины, была обществом родового коммунизма. Все виды распределения были уравнилены. Род был единственной производительной силой общества. Отношения людей были опосредованы ценностями рода. Все получаемые материальные блага – пища, орудия труда – распределялись через родовые отношения.

Человечество, осваивая природный мир, в то же время училось не только брать у природы и распределять, но и производить продукты питания, создавать орудия, предметы первой необходимости и сохранять их впрок. Постепенно в истории развития самого человечества формировалось константное отношение к ру-

Константное отношение к рукотворному миру формировалось постепенно

котворному миру. Постоянное ценностное отношение к созданным предметам экономило родовые силы на производство вещи и формировало родовую установку на неизменно константное отношение к вещи. Заложный еще в родовых отношениях людей феномен сохраняется в сознании каждого отдельного человека как его сущностная характеристика.

Со сменяющимися друг друга формациями константное отношение к природе и рукотворному миру сохраняется. Но в процессе истории это отношение перестает быть только родовым, общественным – оно становится присущим индивиду. Человечество устремилось к индивидуальному (семейному) владению, пользованию, держанию, обладанию. Феодализм (от лат. *feodura* – владение) определил своей особой товарной ценностью природу (землю). Постепенно производство и воспроизводство феодальной формации заменилось специфическим производством капиталистической формации. От века к веку нарастает производство разнообразных вещей, которые предназначены не только обслуживать существующие потребности людей, вещей, формирующих новые их потребности, но и вещей, втягивающих людей в самопотребление, превращающих их в составную часть круговорота вещей.

История развития вещного мира – это история обретения человеком предмета как средства для физического выживания, духовного бытия, а также история закабаления человека магией предметного мира.

Идеи о совершенном обществе

Человечество породило идеи о совершенном обществе, где вещи будут служить и принадлежать равно всем гражданам. Ф. Энгельс писал о том, что научный коммунизм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен Симона, Фурье и Оуэна – трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно.

Утописты XVIII века ратовали за ликвидацию частной собственности. Так, Г. Мабли, французский утопический коммунист, философ-моралист, придерживался распространенных в его время теорий общественного договора и естественного права. Он выдвинул идеи о том, что частная собственность не является частью «естественного порядка», она не продиктована законами природы, а возникла «по воле людей», в результате невежества наших предков. Однако восстановить прежнюю «систему общности» невозможно, то

есть в обществе, разделенном на классы, нет силы, способной осуществить общественный идеал [13].

В это же время Морелли (достоверных биографических данных нет), французский утопический коммунист, также поддерживал идею о том, что в естественном состоянии люди владеют всем сообща. Он объяснял, что к ослаблению сознания родства и равенства всех людей привел рост населения и расселение людей по всей земле. Он настаивал на том, что истина состоит в равенстве людей. Морелли нарисовал картину коммунистического общества и вывел ряд основных законов. Первый закон гласил: в обществе ничего не будет принадлежать отдельно или быть в собственности кого бы то ни было, кроме тех вещей, которые каждый употребляет для удовлетворения своих потребностей, для удовольствий, или для своего повседневного труда. Морелли рисовал себе общество с единой экономической системой, базирующейся на общественной собственности [14].

В свою очередь, Р. Оуэн, английский утопический социалист, включал частную собственность в «троицу зол» [15]. Утопический коммунизм, начиная с Т. Мора, исходил из того, что равенство возможно «только с совершенным уничтожением частной собственности» [16].

Идея коммунизма захватила умы многих мыслителей XVIII–XX веков. Однако общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности предметного мира, практически оказалась утопической.

В период построения социализма коммунистическая партия осуществляла контроль за материальным обогащением правящей олигархии, представителей искусства и литературы, народа. Идеология коммунизма требовала вещного равенства вопреки тяге человека к обретению вещей: ведь формула, выражающая опосредование отношений людей через вещные отношения, является уникальной.

Опосредование «человек–вещь–человек» не является этапом исторического развития общества. Это сущностный феномен самого человека. Создав вещи для служения себе, человек фетишизировал предметный мир и стал служить этому миру. Вещь, порожденная человеческим духом, может превратиться в потенциального и реального его поработителя.

Осуществление социального контроля за распределением вещей через идеологию и юридические службы не только нередко сдерживает стремление людей к обогащению, но для многих становится ценностной позицией.

Опосредование
«человек–вещь–
человек» –
сущностный
феномен самого
человека

Человек был всегда
неравнодушен к
предметному миру

Мир вещей – мир
образа мышления
и образа жизни
человека

В новой России чрезвычайно быстро поменялось официальное отношение и к потреблению вещей, и к обогащению. Ломка стереотипов, отражающих официальное отношение к вещам в СССР, превратила за последние годы многие слои населения в маргиналов.

Как мы уже отмечали, история человечества показывает, что человек был всегда неравнодушен к предметному миру: то он практически выражал свою зависимость от вещи, то, протестуя против фетишизации вещей, отрицал сами вещи. Так, киники принципиально отказывались от рукотворных предметов, игнорируя материальную культуру человечества [17]. Однако Диоген ходил в рубище и спал в бочке – стало быть, и он был несвободен от своих лохмотьев и своего жилища – бочки. Человек, отрицающий ценность и значение вещного мира, по существу, также попадает в зависимость от него, но с противоположной стороны в сравнении со стяжателем, алчно накапливающим деньги, имущество.

Человек психологически попадает в зависимость от предметного мира как ценности бытия. Живя в предметном мире с момента появления на свет, с малых лет осваивая предметный мир по функциональному назначению и его эстетической значимости, человеческое дитя вслед за старшими начинает фетишизировать предметный мир. К тому же, в детстве, и особенно в отрочестве, человек входит в детские и подростковые сообщества, которые представляют себя через присущие времени и возрасту знаковые системы. В состав этих систем попадают и определенные вещи. Ребенок и подросток превращаются в потребителей: потребление вещей становится содержанием их жизни. Приобретая вещи в личное владение, непосредственно радуясь им, дети и подростки в то же время обретают ценность в собственных глазах и в глазах сверстников. Через вещи происходит регулирование отношений внутри возрастных групп. Для детей и подростков, как и для взрослых, становится значимым обладание определенным набором вещей, чтобы поддерживать свое чувство самодостаточности.

Сегодня, когда в России появляется тенденция вслед за так называемыми развитыми странами к превращению в общество потребления, потребительские аппетиты детей и особенно подростков несказанно возрастают.

Конечно, вещи – среда обитания, условие духовного и физического развития, желанная и необходимая собственность. Однако общество потребления предла-

гает вниманию подростка выбор и регулярное обновление массы вещей, которые не могут принять участия в его развитии и вовсе не обязательны для его благополучного бытия.

На современного подростка оказывает внушающее воздействие побуждающая реклама, поработочная вещная потребность, подавляющее воздействие даров (не только данайцы были опасны своими дарами); знаковое манипулирование сознанием через так называемые жестуальные предметы (традиционные, ценные и др.) и тому подобные трансформации мира вещей [18].

Вещи могут
растлить духовные
начала в человеке

В современном мире вещи могут стать растлителями духовного начала в человеке: став основной ценностью, побуждающей мотивацию и представления о полноте жизни; став фетишем, превращающим человека в раба вещей; поставив в зависимость от дарителей и побуждая тем самым к агрессии и зависти.

Общественное самосознание сегодня и впредь должно быть ориентировано прежде всего на развитие человеческой духовности. Вещный мир при всей безусловной значимости его для человечества в целом и для отдельного человека не должен превращаться в фетиш, манипулирующий сознанием и страстями человека.

Важно не забывать о нашей ответственности перед новым поколением – детьми и подростками. Особенно пристального внимания требует отрочество – пора высокой сензитивности к социальным явлениям. В словнике (тезаурусе) детей и подростков сегодня доминируют естественные для времени слова: бедные, богатые, новые русские, баксы.

Отношения между людьми через призму формулы «человек–вещь–человек» – феномен исторического развития людей. Однако...

Отношение к другому через призму формулы «человек–вещь–человек» – норма. Вместе с тем владение вещным миром оказывает амбивалентное влияние на человека, что должно контролироваться общественным сознанием человечества, уже накопившего достаточные знания о феноменологических особенностях человека как социального существа.

3 – Эволюция потребления вещей

Многозначность
потребления

Потребление сегодня понимается не только как использование общественного продукта в *процессе удовлетворения потребностей общества, но и как активный модус отношений к вещам, к группе людей и ко всему миру*. В потреблении осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на

внешние воздействия, на нем зиждется вся система нашей культуры, считал французский социолог Жан Бодрийяр, аналитик культурных законов современной постиндустриальной цивилизации.

Производство
и потребление
вещей

С развитием цивилизации человечество производит все большее количество разнообразных вещей. Поддается ли классификации буйный рост предметного мира? Сегодня в нашей урбанизированной цивилизации в бурном темпе сменяют друг друга все новые и новые вещи.

«Возможно ли рас-
классифицировать
этот мир вещей?..»

Ж. Бодрийяр, изучавший мир вещей, вопрошал: «Так возможно ли расклассифицировать этот мир вещей, меняющийся у нас на глазах, возможно ли создать его дескриптивную систему? Критериев классификации как будто почти столько же, сколько самих вещей: классифицировать вещи можно и по величине и по степени функциональности (как вещь соотносится со всей объективной функцией), и по связанной с ними жестуальности (богатая она или бедная, традиционная или нет), и по их форме, долговечности, и по тому, в какое время дня они перед нами возникают (насколько прерывисто они присутствуют в поле нашего зрения, и насколько мы это осознаем), и по тому, какую материю они трансформируют... и по степени исключительности или же общности пользования (вещи личные, семейные, публичные, нейтральные) и т.д. Применительно к такому материалу, как вещи, которые все в целом находятся в состоянии непрерывной мутации и экспансии, любая такая классификация может показаться едва ли не столь же случайной, как алфавитный порядок» [19].

Самому Ж. Бодрийяру едва ли удалось создать классификацию вещей подобно классификации флоры и фауны. И дело здесь не в ограниченности человеческих возможностей классифицировать, а в чрезвычайно быстром появлении все новых и новых вещей, которые творит не природная, а потребительская эволюция.

Все классификации
вещей условны

Наряду с традиционно появившимися в процессе долгой истории вещами, обслуживающими производственные (трудовые) усилия человека, появлялись вещи для удовлетворения разнообразных развивающихся человеческих потребностей, укрепляющих и утверждающих человека в мире. Сегодня вещи можно расклассифицировать: на традиционные и современные, на уникальные и массовые, на старинные и маргинальные и т.д. При этом надо полагать, что эти различия не абсолютны. Вещь создается не только ради ее функ-

Маргинальные различия вещей

ционального служения человеку, но и в качестве носителя некой специфики, которая подчеркивает индивидуальный выбор покупателя.

Сегодня можно наблюдать так называемое маргинальное различие вещей (различия несущественные):

«Эта мусорная корзина абсолютно оригинальна. Ее украсили для Вас цветами фирмы «Желак декор».

«Этот холодильник – революционное новшество: в нем имеется морозильная камера нового типа и разогреватель для масла».

Можно приводить великое множество подобных примеров.

В рамках индустриального производства, где все технически связано, императив персонализации удовлетворяется лишь несущественными деталями. При этом функции персонализации – фактор не просто добавочный, но паразитарный [20].

Производители лгут: всегда отрицают серийность вещи

С целью наращивания капитала производители новых вещей всегда отрицают серийность вещи и подчеркивают ее уникальность, ее идеальность. В нашем индустриальном обществе демонстрируется право выбора как некая коллективная благодать и как знак нашей свободы. Ж. Бодрийяр показывает, что на такой негативной свободе зиждется «персонализация» вещей. Он пишет: «Поскольку покупателю предлагается широкий набор возможностей, то человек покупает не просто необходимое, но *лично* вовлекается в нечто трансцендентное вещи. У нас, собственно, больше нет возможности не делать выбора, покупать вещь просто ради ее применения – сегодня больше нет вещей, которые предлагались бы покупателю на таком «нулевом уровне». Наша свобода выбора заставляет волей-неволей вступать в систему культуры. Таким образом, выбор лишь кажущийся: мы переживаем его как свободу, но гораздо меньше ощущаем, что он нам навязывается, а через его посредство и целое общество навязывает нам свою власть» [21]. Нельзя не согласиться с идеей агрессивного давления на людей через рынок вещей. Специальные научные изыскания в этой сфере проводятся сегодня повсеместно во всех странах человеческого сообщества.

Человек способен высвободиться из-под влияния агрессивного мира творимых им вещей

И тем не менее человек способен приложить свою голову, свой интеллект, к создаваемым им самим проблемам бытия и высвободиться из-под влияния агрессивного мира творимых им самим вещей и потребностей в этих вещах.

Жажда
приумножения
имуществва

Безусловно, современное общество в большой мере – общество потребления. Особенно в его не бедной, экономически состоятельной части.

Общество потребления центрировано на приумножении имущества: «Имущество богатого – крепкий город его, для бедных – скудность их» [Притч. 10:15].

Имущество – совокупность принадлежащих кому-либо или находящихся в чьем-либо владении вещей, материальных ценностей. Имущий – богатый, состоятельный. Вл. Даль выделяет в русском языке слова *имать*, *иметь*, которые означают брать, хватать и владеть, пользоваться. Имущество – то, чем стремится владеть человек, то, что презентует человека среди других людей.

Особое отношение к вещному миру творит *общество потребления*.

Деньги – мера
стоимости

Потребление предполагает наличие *денег*.

Деньги – металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. Деньги – капитал, средства. В русском языке существует множество определений, означающих взаимодействие человека с деньгами: «при деньгах», «не при деньгах», «бросать деньги на ветер», «сыпать деньгами» и т.п.

Стремление человека к деньгам может превратиться в неукротимую страсть обладания ими.

Деньги управляют
страстями человека

Деньги могут незримо стоять за страстями человека. Деньги могут провоцировать на предательство и даже на убийство. Это происходит в том случае, если человек превращает деньги в мерило собственного «Я».

Даже если человек не доходит до крайности в стремлении к обладанию деньгами, то все равно люди явно или подспудно понимают, что деньги гарантируют обладателю *независимость, свободу, защищенность*. Именно эти кусочки бумаги или металла превращаются в эквивалент свободы. Наличие денег дает человеку психологическое ощущение свободы. Это ощущение не только внешней свободы, но и внутренней, психологической свободы.

Деньги включены во
взаимодействия
людей

За деньгами стоит культура, способы человеческого бытия. Более способный, более умный подчас достигает и материального благополучия. Но это не прямая зависимость: способный и умный в какой-либо сфере не обязательно обеспечит себя материально.

Деньги могут вызвать и взрастить у человека алчность, *зависть и множество других пороков*. Деньги могут испортить человека. Но деньги могут и возвысить человека в его деяниях.

Деньги несут в себе амбивалентный потенциал влияния на человека. Сами по себе деньги – материальные предметы, но у них есть социально сформированное значение. Именно это значение и определяет столь сложное взаимодействие человека и денег.

Сегодня, как и всегда, деньги включены во взаимодействия людей, определяя их место в обществе и их потребительские возможности.

Проблема вещественной природы денег, как и природа эталона, рассматривалась М. Фуко. Он специально указывал на то, что в материальной реальности денег смешиваются две их функции: общая мера для товаров и заместитель в механизме обмена [22]. Человек и деньги – неоднозначная для человека проблема.

Общество
потребления –
особый мир
отношений людей

Общество потребления сделало главным содержанием общественной жизни *потребительство*, потребительское отношение людей друг к другу и к вещам, опосредующим эти отношения. *Потребление* оттеснило на второй план *производство и накопление*, превратившись в активный процесс выбора и регулярного обновления вещей. Предполагается, что в этот процесс потребления должен (обязан) быть вовлечен каждый член общества, а сообщество потребителей будет пристально контролировать каждого своего члена.

Человек, погруженный в сообщество потребителей, алчно приобретает вещи, стремится к ускользающему идеалу – модному образцу, «опережает» время благодаря кредиту. Пытается присвоить себе авангардные или коллекционные вещи. Это происходит вследствие развития культуры потребления: в общественное сознание внедряется образ целостного общества, потребляющего все новые и новые вещи – товары. Культура потребления представляет собой не присвоение новых вещей как таковых, а присвоение нового способа жизни. Однако этот способ жизни реально отчуждает человека от самого себя, лишая его родовых, собственно человеческих смыслов.

Не стать маргиналом
общества
потребления

Чтобы не стать маргиналом общества потребления, человек должен стремиться познать закономерности как развития культуры условий его существования, так и изменения сознания под влиянием этих условий. Должен не потому, что кто-то ждет от него этого, а по собственному личностному побуждению.

4 – Духовно-эстетические потребности в вещи и человеческая личность

Человеку присущи
и духовно-
эстетические
потребности в вещи

Человеку присущи и духовно-эстетические потребности в вещи. Вещь – предмет, необходимый для удовлетворения разнообразных потребностей людей. Помимо обыденных потребностей в вещи для удовлетворения сложившихся способов жизнедеятельности, помимо социальных, престижных потребностей в вещи для удовлетворения своих амбиций, развитому человеку присущи духовно-эстетические потребности в вещи.

Среди огромного разнообразия вещей – красивых и безвкусных, практичных и бесполезных – человек выбирает свою особую вещь, которой начинает дорожить, которая становится особой вещью «для себя».

В веках у человечества формируется *особый предметный мир – мир для любования.*

Ориентированность
человека
на эстетические
качества вещи
и человеческая
личность

В нашей человеческой культуре мы ориентированы на эстетические качества вещи. Проблема «человек и эстетика вещи» интересует представителей многих отраслей знаний и искусства. Это проблема не только философии, психологии, но и искусствоведения.

Осмысление феномена вещи в новом аспекте было предложено В. Н. Топорковым: автор вновь обратился к многовековой философской проблеме «человек и вещь», «смысл вещи» [23]. В.Н. Топорков стал исследовать вещи в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина). В психологии вещь, предметный мир как условие развития личности, рассматривались уже в 80-е годы прошлого столетия автором настоящего труда. Эта идея, в том числе и эстетический аспект вещи, уже обсуждалась также в ряде моих работ [24]. Здесь же рассматривается и эстетический аспект вещи.

Специально тема «Человек и вещи» разрабатывалась искусствоведами на материале русского и западного искусства. В конце XX столетия в Москве проходили традиционные Випперовские чтения, которые назывались «Вещь в искусстве» [25], где вновь обсуждалась неисчерпаемая тема вещи и человека.

Вещь в культуре
Востока

Особое место тема «Вещь в культуре» занимает в самосознании народов Востока – Китая и Японии [26].

Восток отличается повышенным вниманием к вещи. Исследователи раскрывают поэтизацию, мифологизацию и сакрализацию мира вещей в культуре Востока. Выявляется бесконечность многомерного языка взаимодействия вещей между собой и с включенным в это взаимодействие человеком в ритуалах, церемониях

и созерцании. Вещь воспринимается как дар, как знак отличия, как примета культурно-исторических эпох.

Исключительное значение вещь занимает в японской культуре. Важная часть японской духовности – *вещепочитание*: в японском традиционном обществе вещь рассматривалась в космоцентрической перспективе. Фундаментальное свойство вещи, согласно японскому мировоззрению, – ее «*пред-данность*», то есть априорное существование до появления богов и людей, или ее сотворенность богами или людьми, или ее самовозникновение в мифологическую эпоху [27]. Благодаря космоцентрическому происхождению вещей в сознании людей происходили мифологизация и поэтизация вещного мира. Согласно представлениям и культурным эмоциям японцев вещи несут в себе энергию древних традиций: в пространстве культа, ритуала, церемонии и культово значимых, праздничных и театральных представлений вещи *говорят* с человеком на невербальном языке символов. В японской культуре обязательно включение вещи в ритуал, когда происходит демонстрация сакральной сущности вещи.

В Японии в период Нара (VII–VIII века) сложился чрезвычайно знаменательный эстетический принцип, оказавший сильное влияние на развитие поэзии и ментальности самих японцев: принцип *макото*, что буквально означает «истинное» [28]. Поэты того времени полагали, что мир, его «вещи» и явления должны изображаться так, как они непосредственно воспринимаются. В антологии «Манъёсю» есть даже рубрика «Песни, просто воспевающие душу вещей». Поэты древности считали, что естественное проявление вещей должно восхищать. Этот восторг способно выразить лишь слово – *аварэ*, что понималось как радость, надежда.

Позднее, в эпоху Хайан (IX–XII века) *аварэ* эволюционировало в *моно-но аварэ*, особую философско-эстетическую категорию. Хайанские поэты уже не просто восхищались явлениями мира, а хотели найти в каждой «вещи» – моно – скрытое очарование. Увидеть особенное в привычном – было поэтической задачей. Поэты устремлялись на поиски *моно-но аварэ*. Один увидел и воспел особое очарование алых листьев кленов, медленно плывущих по осенней реке; другой восхитился гвоздиками, сверкающими в лучах заходящего солнца; третий воспел «зеленых ив тончайшее сплетенье». Воспеваются не только природные, но и рукотворные вещи. Поэт сказал:

«Все вещи хороши,
когда бывают новы...».

Особая внутренняя
связь человека
и вещи

Однако же это его весьма субъективное мнение.

Человек и вещь в Японии находятся в особой внутренней связи. У японцев проявляется культура *особо чуткого восприятия, культура созерцания и тонкая впечатлительность*, которые возвращены традициями воспитания и бытия в мире. Потребность *созерцать и вглядываться* в вещи – естественная потребность духовной жизни японца. Весь жизненный уклад японцев пронизан этой *атмосферой повышенного внимания человека к вещи*. От духовной потребности к проникновению в экзистенциальную сущность вещи происходит *чистоплотность японцев как духовное свойство*: всякая вещь имеет свое место и даже обиталище (отсюда культ коробов, ящичков, упаковок) и идеально содержится. В *прикосновении* к вещам здесь мягкие, бережливые жесты, здесь нет безразличия – все действия проявляются как *действия* с вещами. *Соприкосновение* с вещью происходит в ритме дыхания – ведь вещь наделена «языком», «душой» и «духом» в целостном живом мировосприятии японца. Все эти возможности вещи отражены в японской словесности, где вещи представлены в высоких значениях.

Вещь и моно в их
значениях и
смыслах

Слову *вещь* в японском языке сопутствует слово *моно*, не совпадая полностью и не разделяясь абсолютно.

За долгую череду столетий в японской культуре сформировался уникальный опыт самобытного *созерцания и творческого восприятия вещи*.

Одухотворенная
индивидуальность
вещи

Согласно мироощущению японца, вещь, изготовленная из природного материала, обладает *одухотворенной индивидуальностью*. В японской культуре существует сложный условный язык взаимодействия вещей с человеком. Канонический «синтаксис» вещей внятно заявил о себе уже в древних ритуалах, вросших в поле японской культуры. Увидеть знаковые действия вещей можно во многих ритуалах, например, в чайной церемонии. [Интересно, что чайная утварь получила название *тядогу* – «инструмент для чая».] С середины XVII века, когда сложились основные принципы чайного действия, самые ценные, высокохудожественные изделия обрели статус *мейбуцу (именные вещи)*. Все они *наделялись собственными именами* [29].

Несмотря на сильное воздействие западной цивилизации, по сей день сохраняются многие базовые принципы, составляющие основу национального мировосприятия и художественного мышления японцев. В Японии сохраняется особая культура отношения к

вещи — к ее созданию, восприятию, сохранению и использованию.

Как хорошо,
Когда облюбуеть вещицу
и, где признав,
где на чем сэкономив,
наконец-то ее получишь.

Татибана Акэми (1812–1868)

Эстетика
поврежденной
вещи

Одной из отличительных черт японского прикладного искусства является умышленное нанесение повреждений. Путем разрушения совершенных форм, таких, как круг или квадрат, открывают прячущуюся за ним красоту, не доступную для разума [30]. В настоящее время главными категориями, определяющими суть эстетического восприятия японцев, считаются *ваби*, *саби*, *суки* [31].

Эстетика *ваби*,
саби, *суки*

Эстетическая категория *ваби* («печальный») была воспринята из поэзии *вака* (пятистишие) за ее сильную взаимосвязь с материальной воплощенностью вещи. Японцы открыли в простоте бесконечный источник красоты. «*Ваби* выходит за пределы эстетических понятий и становится состоянием ума» [32].

Категория *саби* («печаль одиночества») — особая концепция красоты. «Покой, приглушенность красок, элегическая грусть, гармония, достигнутая скупыми средствами, — таково искусство *саби*, звавшее к сосредоточенной созерцательности, к отрешению от повседневной суеты» [33].

Категория *суки* сегодня трактуется как «утонченное изящество». Все категории эстетического восприятия формируют определенного типа культуру восприятия [34], *уединенного созерцания* предметного мира.

Ставлю вещи на свет
и смотрю, как рождаются тени
в полдень осенний...

Такахама Кёси (1874–1959)

Восприятие японца направлено на восхищенное созерцание вещи, ее светотени, ее материала, формы, на общее ощущение фатальной связанности всего в мире — природы, вещи, человека.

Самобытность
творческого
восприятия вещи

Вещь в японской культуре рассматривается как объект уникального опыта восприятия, самобытного и творческого. Однако самобытное отношение к вещи свойственно и другим человеческим культурам.

Древние родовые тотемы включали в себя не только растения и животных, но и неодушевленные предметы. Тотемические предметы всегда были привязаны к роду, к определенной местности. Они мыслились как результат превращения предков рода в эти предметы.

Герои тотемических мифов, перемещаясь в священных тотемических центрах и за их пределами, воссоединяются со священными тотемическими предметами. Тотемические предметы несли в себе знаковую функцию защитника и контролера рода, они часто *украшались* орнаментом или разноцветными ленточками, узорами из бисера и аппликацией из кожи животных и перьев птиц. Множество примеров тому мы найдем в тотемических мифах народов Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Эстетически притягательное оформление вещи

Если обратиться к народной культуре, то в повседневных предметах быта стремление мастера состоит не только в том, чтобы изготовить предмет на потребу его функционального назначения, но и в том, чтобы придать творению эстетически притягательное оформление.

Значение красоты вещи

Всегда в истории человек изначально творил «вещь для себя», в полной мере воплощая в ней параметры своих запросов: начиная от ее функций и заканчивая ее эстетическим воздействием. Постепенно среди вещей стали выделяться и те, в которых доминировала красота. Человек находил красоту не только в ее непосредственной чувственной привлекательности, во многих проявлениях вещи: в ее простоте, рациональности, функциональном служении.

Бытийные вещи в изобразительном искусстве

В искусство живописи исстари начали входить бытийные вещи: они стали героями *натюрмортов* и городских *пейзажей*; они стали знаковой частью *портретов* – от одежды и украшений изображаемых героев до окружения предметами, отражающими статус персоны. Предметный мир в изобразительном искусстве стал персонифицировать портрет человека.

Позднее, в искусстве XX века проявилась новая тенденция: художники, с одной стороны, начали создавать ряды серийных предметов, отражая новый маргинальный мир массового производства вещей; а с другой – воспевают отдельную вещь, ее в культурном, функциональном и эстетическом воплощении. Примеров тому в современном искусстве множество.

Персонажи картин – привычные вещи

Итальянский художник Доминик Ньоли, исходя из побуждений своего образного мышления, стремился освободить вещь от ее принадлежности человеку. Главным для Д. Ньоли было увидеть идею вещи, ее скрытый смысл и воспеть в своих произведениях саму вещь. Начиная с 1964 года Д. Ньоли создает картины, характерные для поп-арта.

Персонажами его картин нередко становились привычные вещи: костюм, воротничок рубашки, узел

галстука, утюжная стрелка на брюках, туфли, пуговица. Обычные вещи, оказавшиеся под увеличительным стеклом пристального внимания художника Д. Ньюли, стремились превратиться в нечто персонализированное – вещи вырастали в размерах и становились «значительнее, прекраснее или ужаснее, чем любая выдумка или фантазия». Д. Ньюли использовал холсты большого формата. Каждый объект, взятый из привычного контекста бытования воспроизводился с педантичной точностью. При этом объект увеличивался в размерах до такой степени, что как бы вылезал за рамки картины. Д. Ньюли говорил: «Взгляните на этот пустой стул: в нем есть загадка, и я хочу разгадать ее».

Позднее писатель Итало Кальвино от имени сеньора Паломара, своего alter ego, идеального созерцателя и философствующего двойника, создал литературные иллюстрации к некоторым картинам художника Д. Ньюли. И. Кальвино высказывал идеи, созвучные мироощущению Д. Ньюли: «От безмолвной череды предметов должен поступить какой-то знак, призыв, намек: вещь выделяется из всех, желая что-то выразить собою<...> что? да просто самое себя <...> Понятно, что возможности такие выдаются редко, но, в конце концов, представляются, лишь надобно дождаться одного из тех счастливых совпадений, когда мир захочет и смотреть, и в то же время быть обозреваемым, а тут как раз случится Паломар. Точнее, сеньору Паломару даже ждать не надо, ведь такое происходит, лишь когда не ждешь» [35].

Прямое назначение вещи и ее новые возможности

Пуговица – кружок, шарик или другая форма, шляпка с ушком, пришиваемая к одежде, для застежки, на петельку. Отъемлемая пуговица – запонка. Пуговица может служить важной функцией – застегивать одежду, может быть предметом украшения одежды. В русском языке пуговица может называться «пуговка», «пуговичка» (*Щеголек, ровно обтяжная пуговица. Умная умница – что светлая пуговица. Пуговицы литые, петельки витые.* Вл. Даль).

Пуговицы – предмет вождления детских забав. Их можно складывать по форме, по цвету. Их можно нанизывать на нити. Ими можно играть как знаками других предметов, придавая им значения отсутствующих вещей. Ими можно просто любоваться как красивыми изделиями.

Придать вещи значение одушевленного существа, у которого открыто просматриваются человеческие амбиции, желание доказать миру ее благородное происхождение – это может изощренный ум художника. Итало

Стремление отловить
знак, который
исходит от предмета

Кальвино в пуговице воспевают все: сверкающие отсветы, которые позволяют ей «вообразить себя зеркалом, воспроизвести на своем бесстрастном диске мятущийся образ мира»; дырочки, которые «воплощают собой смысл в самых общеупотребительных значениях этого слова: прямой смысл, здравый смысл»; приподнятый ободок, который «указывает на одно из главных свойств всякого предмета – его границу». При этом свойства сопряженных с пуговицей предметов – ткани, к которой пришита пуговица, вызывают у нее чувство *зависти и мучительные желания*. И. Кальвино хочет *отловить знак, который исходит от предмета*.

Вещь, должно быть, *желает* выразить собой что-то?

Но это не индивидуальная позиция сдвинутого художника...

Это глубинная наша человеческая особенность: придать некое значение всему вокруг, в том числе отдельной вещи, и восхититься одухотворенностью этой вещи.

Если обратиться к народным сказкам и литературным сказкам писателей, то мы найдем множество предтеч представленным выше идеям. Мы найдем также и множество новейших произведений, в которых в качестве главного героя пробивает себе центральное место его величество «вещь»!

В сказках Ханса Кристиана Андерсена сочетаются два плана: волшебный и житейский. Чудесный Оле-Лукойе появляется повсюду со своим волшебным зонтиком и волшебной брызгалкой. *«Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной брызгалкой до мебели, и все вещи сейчас же начинали болтать, и болтали они о себе все <...>»*. Обыденное существование вещей ускользало в волшебное измерение, и вещи обретали душу и возможность общаться друг с другом.

Другая замечательная история – о стойком оловянном солдатике – разворачивалась на столе, где было много разных игрушек. *«Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Через его окошко можно было заглянуть и увидеть все комнаты <...> все это было прекрасно, но самой красивой была хозяйка дворца, стоявшая на пороге, в широко раскрытых дверях. Она тоже была вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плечах – голубой шарф, а на груди блестящая брошка, почти такая же большая, как голова ее владелицы, и такая же красивая <...>*

– Вот бы мне такую жену! – подумал оловянный солдатик».

Вещь за пределами
обыденной жизни
человека

Слушая сказки с героями, сотворенными из олова, картона или из особой материи фантазии, слушая истории чувств и поступков этих ирреальных героев, современный малыш так же замирает от ожидания неизвестных коллизий и с ужасом ждет, что же будет дальше, как и дети прежних поколений. В ожидании предстоящих событий таится *поэзия сопричастности*, происходящей за пределами обыденной жизни.

Мы, взрослые, распроставшись, казалось бы, с мифологическим мышлением наших предков, вновь и вновь возвращаем новым поколениям поэтическое отношение к вещи, способной быть одухотворенной «вещью в себе» и разворачивающейся в поэтическом своем воплощении «вещью для нас». Очевидно, нам необходима поэзия окружающего нас предметного мира.

В сказках Эрнста Теодора Амадея Гофмана также предстают два мира: обыденный и скрытый. Э. Гофман полагал, «что все люди, вещи и явления имеют два лица: одно дневное, обращенное к повседневности, другое ночное, страшное, скрывающее мрачную тайну; сдерни покров с обывательского благообразия – обнаружатся сатанинские страсти, фантазмагория, бред» [36].

Особая
фантазмагорийная
жизнь вещей

Нервный, саркастический, исполненный мистического ужаса перед непостижимостью мироздания и человеческой сущностью Э. Гофман создавал для себя и детей сказки, в которых предметы и игрушки живут по ночам особой жизнью, раскрывая свои сущностные возможности к одухотворению.

Игрушки в своей ирреальной сущности нечто призрачное, фантазмагорическое. Они совершают возвышенные и низменные поступки, изменяя судьбы героев.

Все мы заимствуем
идеи из пластов
духовной культуры

Как и все мы, люди, заимствующие идеи из пластов духовной культуры человечества, возникшие в истории развития нашего самосознания, Э. Гофман воплотил в своих сказках наше неоднозначное отношение к миру вещей в их безличном холодном молчаливом предметном пребывании в нашей обыденной жизни и в их эмоционально-переживаемом нами антропоморфном воплощении в наше мифологическое сознание. Именно последнее воплощение вещи расширяет восприятие полноты жизни, поднимает нас над создаваемой в истории обыденностью уравновешенной стандартизированной жизни и дает возможность вырваться *за пределы* очерчиваемой нами самими реальности.

В современной литературе для детей и для взрослых мы находим неисчерпаемый интерес к предмету,

его сказочной или мифологической трансформации от неживого к живому, от безличного к высокоэстетичному.

Вспомним «Контрабас» Патрика Зюскинда, переживания его героя, общающегося с одухотворенным им контрабасом; «Кристину» Стивена Кинга – ярко-красный автомобиль «Плимут», общение с которым юный герой, Арни Каннингэм, ставил выше общения с людьми... Действительно, сознание человека, неизменно вступающего в предметный мир, зачастую не в состоянии оторваться от амбивалентной сущности вещей, от антропоморфных переживаний.

Человек может стать марионеткой столь сложной реальности, как рукотворный мир, как мир предметов во всех многообразных их воплощениях.

Вещи – знаки
фантазмагорийной
человеческой жизни

Не только игрушки для детей и взрослых, но и обыденные вещи являются знаками нашей причудливой фантазмагорийной человеческой жизни. Реальная действительность и «абсурд бытия» весьма отчетливо проявляются в символической функции вещей, включенных в человеческие отношения.

В своем феерическом романе «Сто лет одиночества» Гарсия Маркес из копилки арсенала мифотем XX века ярко высветил и тему вещи как знака человеческих отношений. Примеров тому бесчисленное множество.

Обратимся к истории ухода героя к любовнице. Его разрыв с семьей ознаменовался демонстративным разделом имущества.

«Жизнь в доме сделалась такой суровой, что Аурелиано Второму стало определенно уютнее у Петры Котес. Сначала под тем предлогом, что хочет облегчить супруге бремя забот, он перенес к наложнице свои пиршества. Потом под тем предлогом, что скот утрачивает плодovitость, переместил к ней хлев и конюшни. И наконец, под тем предлогом, что в ее доме не так жарко, перетащил туда маленькую контору, где вел свои дела. Когда Фернанда заметила, что превратилась в соломенную вдову, было уже поздно. Аурелиано Второй почти не ел дома, он являлся только ночевать. Это была единственная его дань внешним приличиям; впрочем, она никого не обманывала. Как-то раз он оплошал и утро его застало в постели Петры Котес. Вопреки всем ожиданиям, он не услышал от жены не только ни малейшего упрека, но даже самого легкого вздоха обиды, однако в тот же день Фернанда отправила в дом любовницы два сундука с его одеждой. Отправила среди бела дня и приказала нести посредине улицы, на виду у всего города, думая,

что заблудший супруг не вытерпит позора и со склоненной выей вернется в стойло. Но этот героический жест только еще раз доказал, как плохо знала Фернанда характер своего мужа и нравы Макондо, не имевшего ничего общего с нравами ее родителей, – каждый, кто видел сундуки, говорил себе, что вот наконец-то завершилась, как и следовало ожидать, история, интимные подробности которой ни для кого уже не были тайной. Аурелиано же отпраздновал дарованную ему свободу трехдневным пиром. К довершению несчастий супруги она в своих темных и длинных одеяниях, со своими вышедшими из моды медальонами и неуместной гордостью выглядела преждевременно постаревшей, между тем как облаченная в яркие платья из натурального шелка любовница, глаза которой сияли радостью от сознания, что ее поправленные права восстановлены, казалось, цвела второй молодостью» [37].

Предметы домашнего обихода, одежда становятся знаками меняющихся отношений, знаками обретаемой свободы одного человека и утверждения отчуждения, одиночества другого.

Вещь как
экзистенциальный
и сексуальный
символ

Вещь в человеческой культуре может преподноситься и в аспекте сексуальной символики. Так, психоанализ был озабочен поиском сексуального символизма в природе и предметном мире. Для примера можно отослать к работам самого З. Фрейда [38] и Ф. Дольто [39]. Для нашего исследования более интересными представляются суждения по этому поводу Ж.-П. Сартра, который рассматривал вещь с точки зрения приписываемой ей экзистенциальной и сексуальной символики. Он писал: «Каждая вещь выбирается в конечном счете не в соответствии со своим сексуальным потенциалом, но вследствие того способа, каким она *выражает* бытие, каким бытие обнаруживается на ее поверхности. Психоанализ *вещей* и их *материи* должен, следовательно, заниматься прежде всего тем, чтобы установить способ, которым каждая вещь является *объективным* символом бытия и отношения человеческой реальности к этому бытию. Мы не отрицаем, что можно было бы открыть впоследствии всякий сексуальный символизм в природе, но это вторичный и редуцируемый слой, который вначале предполагает анализ досексуальных структур» [40]. Действительно, при желании человек может «открыть» и приписать всякому предмету, явлению и другим людям все что угодно, а не только «сексуальный символизм». Наша человеческая природа с ее знаковой функцией сознания обладает бесконечным по-

тенциалом возможностей к «открытию» в предметах, явлениях и в самих себе всевозможного разнообразия символов со сложными, но соответствующими нашим ожиданиям, значениями и смыслами.

Сегодня поиск сексуального символизма в вещах продолжается. Это может быть занятием в сфере молодежных игр. Это может быть предмет серьезного анализа в сфере науки и искусства. Каждая вещь создается как для функционального служения человеку, так и в качестве символа бытия – как знак человеческой природы и как «вещь в себе».

Анализ бытия человека в условиях предметного мира позволяет нам осветить две явные тенденции в отношении человека к вещи: одна связана со все более изощренным стремлением создавать идеальные, отвечающие разнообразным потребностям, вещи для служения человеку; другая – со все более изощренной зависимостью человека от вещи в символическом и материальном отношении.

Амбивалентное
отношение к вещам

*Создавая предметный мир, человек творит в поле общественного сознания амбивалентное отношение к вещам. Вещь может повлиять на человека и превратить его в *быдло*^{*}, покорное насилию предмета, но может обеспечить своим явлением в мире *полетное чувство личности*.*

Очевидно, что человек укрепляет в себе свободу и чувство личности в том случае, если, сохраняя культуру бережного и эстетического отношения к вещи, он способен к свободному решению проблемной ситуации, возникшей в связи с вещью. Зная и принимая культуру духовно-эстетического отношения к вещи, человек может быть свободным от ига вещи.

Однако вещи могут стать над общественным и индивидуальным сознанием, поработить общество и отдельного человека, доколе не пойдет на духовное возрождение поколение людей, трезво взглянувшее на предысторию создания вещей и изначальные цели их использования.

Предметный мир представляет сложившееся в истории многообразие условий развития и бытия человека, которое вращено в поле общественного сознания людей. В той или иной степени человек зависел и будет зависеть от вещи. Человечество реально никогда полностью не избавится от зависимости от вещи. Но человечество должно научиться балансировать между

^{*} *Быдло* [польск. bydło – скот]. О тупых, безвольных людях, покорных насилию [41].

двумя тенденциями: ценностным и бережным отношением к вещи и свободой от вещи.

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Ч. III. Философия духа. Соч.: В 14 т. М., 1956. Т. 3. С. 265.
2. Кант И.Э. Критика чистого разума. М., 1994.
3. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: В 50 т. 2-е изд. Т. 21. С. 269–315.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994; Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994; Зеленин Д.К. Культ онтогонов в Сибири. М.; Л., 1936; Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1930; Он же. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957; Он же. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976; Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989; Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1980. Т. 1; Малиновский Б. Миф в первобытной психологии. Лондон, 1926.
5. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Пер. с англ. 2-изд. М., 1986. С. 216–235.
6. Мосс М. Общество. Обмен. личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 96–100.
7. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928. С. 91.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 191–201.
9. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 554.
10. Мухина В.С. Предметный мир как жизненное пространство личности // Развитие личности. 2003. № 2. С. 227–234.
11. Хэрн Л. Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. СПб., 2000. С. 58.
12. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 96.
13. Мабли Г. Избранные произведения. М.; Л., 1950. С. 116, 205.
14. Морелли. Кодекс природы. М.; Л., 1947. С. 202.
15. Оуэн Р. Образование человеческого характера. СПб., 1881; Он же. Новый взгляд на общество. М., 1893, 1909.
16. Оуэн Р. Утопия. М., 1953. С. 97.

17. Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. М., 1984.
18. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995.
19. Там же. М., 1995. С. 3.
20. Там же. С. 117–118.
21. Там же. С. 116.
22. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 195–200.
23. *Топорков В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995.
24. *Мухина В.С.* Проблемы генезиса личности. – М., 1985; *Мухина В.С.* Возрастная психология: Феноменология развития. Детство. Отрочество. Юность. 10-е изд. М., 2006.
25. Вещь в искусстве. Сб.: Випперовские чтения. М., 1986.
26. Человек и мир в японской культуре // Отв. ред. Т.П. Григорьева. М., 1985; *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000; Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. СПб., 2000.
27. *Ермакова Л.М.* «Вещь» и моно в понятиях и ритуалах // В сб.: Вещь в японской культуре / Сост. Н.Г. Анарина, Е.М. Дьяконова. М., 2003. С. 5–15.
28. Поэзия изыска и надежды // В сб.: Японская классическая поэзия. М., 2004. С. 5–16.
29. *Игнатович А.* Чайное действо. М., 1997. С. 189, 191.
30. Contemporary Japanese Crafts. The Japan Foundation, 1996.
31. *Ltoh Teiji.* Wabi. Sabi. Suki. The Essence of Japanese Beauty. Tokyo, 1993.
32. Tea in Japan. Essay on the History of Chanoyu. Honolulu. 1989. P. 28.
33. *Басё.* Стихи. М., 1985. С. 155.
34. *Шишкина Г.Б.* Вещи в современной японской культуре // В сб.: Вещь в японской культуре / Сост. Н.Г. Анарина, Е.М. Дьяконова. М., 2003. С. 247–251.
35. *Кальвино И.* Паломар // Иностранная литература. 1994. № 11. С. 64–106.
36. *Нагибин Ю.* О сказках и сказочниках // В кн.: Сказки зарубежных писателей. М., 1986.
37. *Маркес Г.Г.* Сто лет одиночества. М., 2003. С. 246.
38. *Фрейд З.* Психоанализ детских неврозов. М.; Л., 1925; *Он же.* Толкование сновидений. Минск,

2004; *Он же*. Остроумие и его отношение к бессознательному. Минск, 2003.

39. *Dolto F.* Psyhanalise et pediatrie. Les grandes notions de la psyhanalise. Seize observations d'enfants. P., 1976.

40. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М., 2004. С. 605.

41. *Быдло*. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. Столбец 212.

Дмитрий Колесов

КАУЗАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ И ПРЕДВЗЯТОСТЬ

Наблюдение за поведением другого – основа взаимодействия

Наблюдая поведение других людей, мы всегда в той или иной степени пытаемся проникнуть в его движущие силы: мотивы, намерения, цели, а через них – в то, «каким» является данный индивид. То есть, мы судим о людях по их поступкам: не только оценивая эти поступки, но и пытаюсь выяснить, что происходит во внутреннем мире данного индивида. Это очень важно для того, чтобы понять, *чего от него можно ожидать, на что можно рассчитывать, строя с ним отношения, и как строить их успешнее*. Иными словами, по внешним чертам поведения мы строим модель движущих сил такого поведения, делаем предположения о его психической природе и особенностях. Это – базисный момент совместного существования, иногда оказывающийся и важным фактором нашего выживания: фактором организации сотрудничества или противодействия.

К примеру, имея дело с группой террористов, захвативших заложников, очень важно – по особенностям их поведения – оценить, как они будут вести себя далее, как будут разворачиваться события, как организовать способы психического воздействия на них, чтобы повернуть ситуацию в более благоприятное для заложников русло. Естественно, что судить об этом можно лишь предположительно, однако в поведении